

Легенда о ласточке. Молдавская народная сказка

Жил-был когда-то чабан, и было у него три послушных, трудолюбивых дочери. Он пас овец, а дочери управлялись с делами по дому, и всё шло так, как должно было идти. Да с некоторых пор стал чувствовать чабан, что старость гнетёт его к земле, и в один прекрасный день так сказал он своим дочкам:

– Дорогие мои, стар я стал, нет у меня больше сил пасти отару.

– Ах, отец, не печалься, оставайся дома, отдохни, наберись сил, а отару будем мы пасти по очереди, – говорит старшая дочь.

– Согласился б я, дорогая, если б вы были парнями, вы же – девушки-домоседки, боюсь, только выйдете в поле – перепугаетесь чего-нибудь.

– Ох, батюшка, – возразила ему старшая дочь, – увидишь, как ещё станем пасти, радоваться будешь – не нарадуешься.

– Помолчи, дочь, ибо с тех пор, как пасу овец, не видел ещё чабана с платком на голове и в юбке.

– А мы оденемся в мужскую одежду: зипун, кушму, постолы. Никто нас и не узнает.

– Может, и так.

Недолго думая, надела старшая дочь зипун, обула постолы, на голову натянула кушму, – чем не парень! – обвязалась потом кушаком красным, как пламя, кушму же загнула эдак залихватски. Выпустила затем овец из загона, вывела отару за село и, наигрывая на флуере, направилась к небольшому холму. Старый отец ни придал особого значения словам и смелости дочери, он просто хотел проверить, может ли надеяться в случае беды на неё. Прячась, чтоб не видели остальные дочери, вытащил он из-за балки медвежью шкуру, прокрался в кустарник, натянул на себя шкуру и явился к отаре, – мрр... мрр!., – кидается прямо на овец. Овечки же, едва увидели, что к ним приближается зверь, разбежались вмиг, глазами и то не поймать бы их. Чабан окаменел на месте от страха. Ноги задрожали, палку выронил из рук и, закричав от ужаса, повернул назад, домой, так что только пятки засверкали.

Горестно и досадно стало старику, как никогда. Придя домой, увидел он дочь свою, перепуганную насмерть и бледную, как воск.

– Ох, беды мои, знал же я, что на вас надежды мало. Только и годитесь, что у плиты вертеться.

– Не огорчайся, отец, – говорит вторая дочь, – поведу теперь я овец на пастбище.

– Дочь дорогая, сидела б ты лучше дома, не хочется мне, чтоб и тебя так напугали звери, как твою сестру.

Да не мог её отговорить. Девушка оделась в мужскую одежду и погнала овец туда, где трава была гуще.

Отец же не мог усидеть на месте. Хотел он убедиться, может ли быть уверенным в разуме и смелости средней дочери, если (не дай, господь!) случится с ней какая беда. И так же скрываясь, незаметно взял медвежью шкуру, на лесной поляне, к которой как раз приближалась дочь с отарой, надел на себя шкуру и – мрр! мрр!.. – вышел к ним. Девушка, увидев такую громадину, что шла на нее, рыча и лязгая зубами, повернула овец назад и побежала что было мочи.

Старик же спрятал шкуру и бегом за дочерью. Во двор вошли они почти одновременно. А дома – плач, стенанья, бедный человек света белого не взвидел от такого переполоха. Собрав всех трёх дочерей, принялся он их успокаивать и жаловаться на судьбу:

– Ох, мои беды, видно, нету счастья мне на свете: будь у меня сын, была бы сегодня помощь, а так что делать? Пропадут овцы, ухоженные мной, и после стольких лет тяжелого труда останусь я ни с чем.

Младшая дочь так близко к сердцу приняла сетованья отца, что решила помочь его беде во что бы то ни стало.

– Отец, – сказала она, – поведу и я овец на пастбище.

– Оставь, дочь моя, не было мне помощи от старших твоих сестёр, а от тебя – тем более. Боюсь, перепугаешься так, что потом в себя не придёшь.

– Не испугаюсь я ничего на свете.

– Так все вы говорите дома, под родительской крышей, а там, на поле, дрожите от страха.

Но отговорить никак не мог её. Сколько ни урезонивал, всё равно она сделала так, как сказала. Надела зипун, обула постолы, натянула кушму на голову и отправилась с овцами в лес.

Как вывела она отару во широко поле, одна овечка принялась бляеть да суетиться, места себе не находит, будто заболела вертянкой.

– Что приключилось, миоара милая, не по душе тебе твой хозяин иль трава полевая?

– И трава мне нравится, и хозяин по душе, а не могу себе места найти, потому что боюсь:, опять медведь встретится – испугаешься до смерти, как перепугались твои старшие сестры.

Девушка, как все девушки, хоть и была смелой, но всё же боялась одна-одинёшенька в поле, и поддержки никакой.

– Ты много раз паслась в этих опасных местах, миоара милая, не будет ли лучше обойти их?

– Обходи-не обходи, опасность – впереди, но ты не бойся. Как увидишь, что медведь направляется к отаре – кидайся к нему с батоном и бей по морде.

Девушка очень уж хотела сдержать слово, данное отцу, приободрилась и пошла вперед, – туда, откуда обычно зверь появлялся. Вот и медведь показался, рыча, лязгая зубами, и бросился на овец и девушку. Овцы перепугались, сбились в кучу и хотели было бежать прочь. Девушка же покрутила батоном над головой, свистнула и – трах! – один раз медведя по морде, – бах! – по ребрам так, что отец почувствовал, как медвежья шкура расплзается от ударов. Отскочил он в сторону и закричал:

– Стой, дочь моя, не бей!

Девушка, услышав такое, ушам своим и глазам не поверила. Задрожала вся, а отец подошёл к ней, обнял и так сказал:

– Дочь моя, ты сдержала слово, не перепугалась, как твои сестры, отныне ты будешь пасти овец, и я спокоен, – знаю, что есть кому ухаживать за ними, и никто отныне не отважится сказать, что ты не настоящий чабан.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И стала она пасти овец, обошла с ними, все места вдоль и поперёк. Дела шли как по маслу, и отцу было легко на сердце, и людям приятно видеть такого чабана. Однажды повела она отару в места, более отдалённые, и там повстречался ей другой чабан с отарой. Как обычно при встрече двух чабанов, соединили они отары, один – слово, другой – второе, разговорились, и узнала девица, что этот чабан – сын бабы Котороанцы.

Так пасли они и пасли овец вместе. Да вот как-то посмотрел сын бабы Котороанцы на девушку более долгим взглядом, и ёкнуло у него сердце: понял он, что чабан этот – девица, а не парень, как можно было думать, глядя на одежду. Эта догадка, путившая ростки в его сердце, не давала ему покоя и грызла день и ночь, заставляя его бороться с думами, как море бьется с ветрами.

Украдкой глядел парень то на румянец щек, то на плавную походку, то на сладкие уста, а вечерами, когда пригонял он отару домой, видела Котороанца, что сын её тяжело вздыхает и тает прямо на глазах.

– Да что с тобой, сынок дорогой, – обратилась она к нему как-то, – что случилось? Может, несчастье какое?

– Да нет же, – говорит он. – Встретился я сегодня с одним чабаном, и показалось мне по тому, как он ходит и как ведёт себя, что это девушка, но ни словом, ни главами не мог я проникнуть в тайну.

– Не кручинься, а испытай его, как я тебе сейчас посоветую, и обязательно всё узнаешь. Завтра, когда встретишься с ним, поведи овец под полог леса, где будут птицы и цветы, и, если это будет юноша, – потянется он к деревьям, чтоб выбрать палку для батога или ветку для свирели, а если будет девушка, – потянется она к цветам.

Сын Котороанцы ожил вмиг и решил сделать, как посоветовала мать. На другой день, распевая, влюблённый в поля и кодры, приблизился он к отаре девицы.

Но, как земля с её богатствами отражается в спокойных и тихих водах, так думы и чувства одних исподволь передаются сердцам других, более дальновидных и осторожных. Волшебная миоара угадала мысли сына Котороанцы и всё старалась найти разгадку всем козням, какие могла подстроить Котороанца девушке.

Как пришло время идти в кодры, шепнула она о своих догадках девушке, и – теперь держись! – решили они вкрутить парню мозги. Свистя и играя на свирели, дошли до леса откуда начиналось пастбище, усеянное цветами такими прекрасными, что хватали за сердце и звали к себе, чтоб хоть понюхали их или потрогали руками. Девушка же наступала на них, будто и не видела, и всё удалялась в чащу, увлекая за собой чабана, – выбрать палку для батога и ветку для свирели.

Сын Котороанцы был огорошен и терялся в догадках. Вечером пришёл он домой грустный, задумчивый. Котороанца успокоила его как могла, утешила и надоумила пригласить чабана к себе, тогда уж наверняка они узнают, девушка это или юноша.

Сказано – сделано. Повёл сын Котороанцы отару и всё хочет казаться чабану преданным товарищем, а к вечеру принял, начав издали, зазывать чабанёнка к себе домой, в гости. Девушка поначалу противилась – то да сё, а потом пошла. Котороанца уже ждала их. Нагрела воды заранее – будто бы помыть голову своему сыну, а сама надумала другое: заставишь чабанёнка помыться, тогда она увидит, есть ли у него косы, и всё станет ясно.

Миоара разузнала ли что или вынюхала, а только приблизилась к девушке и шепнула, какой ей готовится подвох, Ужаснулась та и попросила у овцы совета. Миоара сказала:

– Как приготовят тебе корыто для мытья, я пройду и ненароком опрокину, его, ты же скажи, что в другой воде та станешь мыться: Как на, будет Котороанца тебя уговаривать – отказывайся.

Так и сделали. Приготовила старуха все, что полагается, и зовет чабаненка помыть голову. Неосторожная же миоара ковыляла, ковыляла вокруг корыта и – опрокинула его.

– Вот бедовая овечка, напакостила мне, – говорит Котороанца. – Да погоди, поставлю сейчас другую воду греть.

– Не суетитесь зря, я в другой воде мыться не буду, – говорит чабаненок. Увидела Котороанца, что ничего не получается, и решила другим способом выведать тайну. Как стала укладывать чабанов спать, подложила им под головы по пучку базилика и шепнула сыну:

– Ложись, дорогой мой, до утра все разузнаю. Я положила вам под головы по пучку базилика, если не увянет до утра, – значит чабаненок – парень, а если увянет, – девушка.

Улеглись чабаны, один на одном уголке подушки, второй – на другом, как уложила Котороанца, а на заре, когда сон особенно сладок, миоара взяла и поменяла пучки базилика.

Утром стала Котороанца проверять пучки, а они одинаковые. Ничего не вышло из ее ворожбы и колдовства.

– Тебе показалось, сын мой, – говорит она сыну. – Этот чабан – юноша.

Раз уж выяснилось всё таким образом, оставил сын Котороанцы свои догадки, расстался с чабаном и стал думать о своих делах.

Через некоторое время он женился, и в мире и покое потекла его жизнь.

Как-то случай занёс девушку-чабана к дому сына Котороанцы. Подошла она ближе и видит: горит перед домом костёр, а на треножниках варится что-то в горшке. Чуть подале, у дерева, сын Котороанцы свежует ягнёнка, а в доме хлопочет молодая хозяйка. Девушка подошла ближе. В это время костёр разгорелся так ярко, что из горшка стало выплескиваться варево. Хозяйка подбежала, обхватила горшок передником и хочет снимать его с огня.

– Бог ты мой! – не выдержала девушка-чабан, – сколько по белому свету хожу, не видела ещё хозяйку, чтобы снимала горшок передником. – И с досады бросила кушму оземь. Волосы её рассыпались по плечам, окружили лицо золотистыми кольцами. Сын Котороанцы, как оглянулся и увидел её, бросился к ней с распростертыми руками, чтоб обнять (а руки его были выпачканы кровью ягненка). Девушка же прокружилась вокруг себя и обернулась ласточкой. Только на том месте у шеи, где прикоснулись руки сына Котороанцы, осталась полоска цвета крови, и сохранилась она до наших дней.

Забилась ласточка и – фрр! фрр! фрр! – стала подниматься в небо. Сын Котороанцы схватил её за хвост, а она рванулась изо всех сил, и в руках у него остался только пучок перьев. Посмотрел он ласточке вслед и увидел, что хвост у неё принял форму ножниц. А ласточка всё удалялась и удалялась от него, скрываясь в небе.

С тех пор у ласточек и красная шейка, и хвост ножницами, а гнездо своё они вьют под крышами домов – знак того, что ведут свой род от рода человеческого.